

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(100)

А. С. Козлов

Рец. на кн.: Марцеллин Комит. Хроника / пер. и коммент. Н. Н. Болгова. — Белгород : БелГУ, 2010. — 230 с.

Рецензия показывает подавляющую содержательную и текстовую зависимость выполненного в Белгородском университете перевода и комментирования хроники ранневизантийского автора, комита Марцеллина, от соответствующего английского перевода и комментария, сделанных австралийским византинистом Б.Кроуком.

Ключевые слова: В. Стоке; Марцеллин комит; ранняя Византия; латиноязычные хроники поздней античности.

Начну с цитаты из тезисов, открывающих «Введение» в книгу:

Марцеллин Комит, как он обычно именуется в источниках, — одна из наименее известных фигур среди авторов эпохи поздней античности. Он известен ныне практически только как автор своей хроники о событиях с 379 по 518 г. н. э., которая была позднее продолжена до 534 г.

Марцеллин писал свою хронику в Константинополе в то время, когда римский сенатор Кассиодор пребывал там в качестве беженца (около 550/551 г.) от войны Юстиниана против готов в Италии. Кассиодор, по всей видимости, встречался с Марцеллином, иначе он ничего не написал бы о последнем в одном из своих трудов — *Institutiones* — руководстве для монахов. Там говорится о некоем Марцеллине из Иллирика... (с. 5).

Все сказанное верно, за исключением, пожалуй, возможности знакомства Кассиодора и Марцеллина, — данный факт остается, на мой взгляд, гипотетическим. Но дело не в этом. Дело в том, что приведенные тезисы по своему содержанию имеют почти полную аналогию с соответствующим началом «Введения» к работе Брайана Кроука «The Chronicle of Marcellinus. A Translation

and Commentary (with a reproduction of Mommsen's edition of the text) Brian Croke. Sidney, 1995». А именно:

Count Marcellinus, or Marcellinus comes as he is usually designated, is one of the lesser literary figures of late antiquity. He is known almost exclusively as the author of an annalistic chronicle continuing that of Jerome from AD 379 to 518, which Marcellinus himself later updated to 534. He composed his chronicle in Constantinople and it was while the Roman senator Cassiodorus was there in 550/1, as a refugee from *Justinian's* war against the Ostrogoths, that he acquired a copy of it. If Cassiodorus did not actually meet Marcellinus then he certainly knew something about him, for in his *Institutiones*, a handbook for monks, he tells us that Marcellinus was an Illyrian... (курсив и жирный шрифт автора книги. — А. К.) (p. XIX).

Разделы «Введения» в рецензируемой книге именуются «Марцеллин Комит» (с. 5), «Основные мотивы хроники» (с. 6), «Источники» (с. 9), «Продолжатель Марцеллина» (с. 11), «Язык и стиль» (с. 12), «Рукописи» (Там же), «Издания» (с. 13), «Хроника Марцеллина в контексте позднеантичной историографии» (с. 14). Названия разделов «Введения» в указанной книге Кроука — «Marcellinus Comes» (p. XIX), «The Chronicle's Perspective» (p. XX), «Sources of Information» (p. XXII), «The Continuator of Marcellinus» (p. XXV), «Language and Style» (Ibid.), «Manuscripts» (p. XXCI), «Editions» (Ibid.). Видно, что различие в наборах разделов — в присутствии в работе под редакцией Болгова такой части «Введения» как «Хроника Марцеллина в контексте позднеантичной историографии». Здесь перечисляется ряд позднеантичных хроник, от которых, как сказано, труд Марцеллина отличается более высокой информативностью. Мне этот тезис представляется очень жестким, т. к. применительно ко многим реалиям истории Запада V и VI вв. Марцеллин далеко не так информативен, как, например, Проспер Тирон, Иоанн Биклярский или Идасий. К тому же позднеантичная историография — это не столько хроники, сколько многие исторические труды как светских, так и церковных авторов, чьи опусы лишены структуры погодных записей. Специалисты (и тот же Кроук в другой своей книге [Croke, p. 145–215, 257–265]) немало потрудились над оценками репрезентативности пассажей «Хроникона» Марцеллина в сравнении с соответствующими текстами Иордана, Григория Турского, Исидора Севильского, ранневизантийских церковных историков и других авторов VI–VII вв. Никто из подобных историописателей в указанном разделе рецензируемой книги даже не упомянут. К тому же такие сочинения как «Хроника» Иоанна Малалы и «Пасхальная хроника» (с. 14) с их ярко выраженными средневековыми литературными чертами (см. соответствующие статьи Я. Н. Любарского) к позднеантичной историографии вряд ли можно отнести.

В качестве примеров содержания других частей «Введения» возьмем хотя бы начальные тезисы разделов «Основные мотивы хроники», «Источники» и «Рукописи». Начнем с раздела «Основные мотивы хроники»:

Преобладающие мотивы хроники — отношение Марцеллина к событиям в его родной местности — Иллирике, и в Константинополе, городе, где он жил и писал свою

летопись. Марцеллину есть что рассказать об Иллирике, и он это делает с тщательностью и правдивостью, основываясь на собственных знаниях о местных достопримечательностях, событиях и местной географии. Иногда, как, например, при описании землетрясения в Дардании в 518 г. он использует доступные ему официальные местные источники.

Хроника Марцеллина — важный источник информации для изучения вторжений в империю варваров — гуннов (422, 441, 442, 447, 452), остготов (478, 480) и болгар (499, 502, 517) (с. 6–7).

Соответственно в начале раздела «The Chronicle's Perspective» у Кроука читаем:

The predominant aspects of the chronicle are Marcellinus' treatment of events in his native area of Illyricum and of Constantinople itself, the city where he worked and wrote his chronicle. Marcellinus has a lot to say about Illyricum in his chronicle and what he does offer is generally of a distinctly precise and relatively full nature, suggesting an intimate knowledge of local personalities, local affairs and local geography. On occasion, such as for the earthquake in Dardania in 518, he may also have had direct access to official local sources.

The chronicle is an important source of information for the successive invasion of the Huns (422, 441, 442, 447, 452), Ostrogoths (478, 480) and Bulgars (499, 502, 517)... (p. XX).

Читаем начало раздела «Источники»:

Хроника Марцеллина достаточно явно является продолжением хроники Иеронима, который до этого перевел хронику Евсевия Кесарийского и продолжил ее до 378 г.

Для последующих авторов это стало общепринятой практикой и формой для их хроник, как и типы используемых источников, и характер их употребления.

Тогдашняя хроника обычно в виде таблицы представляла собой перечень последовательных событий. Описываемый год начинался 1 сентября, а заканчивался 31 августа. Каждому году присваивался номер из 15-летнего индикта. У Марцеллина же календарный год длится с 1 января по 31 декабря. Этот прием в датировке был первым, и утвердился впоследствии на Западе, в отличие от Востока, где он долго игнорировался (с. 7).

У Кроука в начале раздела «Sources of Information»:

«In writing his chronicle Marcellinus was consciously continuing the chronicle of Jerome, who had previously translated the chronicle of Eusebius of Caesarea and continued it to 378. There was an established style and format for chronicles to follow, on the model of Jerome, as well as a tradition on the type of sources utilized and how they might be employed. The basic framework of the chronicle was the list of successive indiction numbers. The indictional year ran from 1 September to 30 August and each such year was given a number in the fifteen-year cycle of indictions. Alongside the indictions Marcellinus used a consular list, recording in annual succession the names of the two chief magistrates for the year which ran from 1 January to 31 December. Marcellinus' very reliable consular list reflects the viewpoint of the eastern court in that it records the eastern consul first and normally ignores western consuls not recognized in the east (p. XXII).

Как мы видим, в данном случае совпадение содержания текстов не полное. Несколько разнятся рубрикации текстов. Последним двум четким предложениям Кроука в соответствующем месте рецензируемого издания противостоит что-то непонятное. Что значит «Этот прием в датировке был первым»? Первым в практике хронографии? Первым в практике хронологии? У Кроука речь идет о византийской практике помещения (и комитом Марцеллином в том числе) восточноримского консула первым в погодном обозначении лет согласно консульским спискам, — при игнорировании имен тех западных консулов, которые не признавались на Востоке.

И, наконец, начало раздела «Рукописи»: «Представленный в настоящем издании текст дан по стандартному изданию Т. Моммзена. Он базируется на рукописях T и S. Полный список ...» (с. 13) (далее идет табличный список рукописей: первая колонка таблицы — датировка манускрипта, вторая колонка — аббревиатура, условное обозначение рукописи, третья — обозначение места хранения и принятое именование манускрипта).

У Кроука: «The text produced by Mommsen and reproduced here is based on T and S. The full range of manuscripts is as follows» (р. XXVI).

Сходство в приведенных текстах раздела дополняется сходством в следующих за текстами таблицах — одинаковые колонки, одинаковое содержание, — вплоть до аббревиатур в обозначении рукописей. Разница в том, что в рецензируемой работе названия мест хранения манускриптов даны в указанной таблице по-русски. Все сделано, как и полагается издателям, работавшим с перечисленными рукописями.

Нельзя сказать, что во всех продолжениях вышеприведенных первых строк и абзацев соответствующих разделов можно наблюдать только сходство с теми же аналогичными словами и мыслями Кроука (только выраженными по-английски). Например, в уже указанном разделе «Основные мотивы хроники» сходные с текстом Кроука абзацы разбавлены дополнительными замечаниями относительно информации, предоставляемой «Хрониконом» Марцеллина, в том числе и ссылками на наблюдения, сделанными в моих статьях по данному сюжету. Ссылки на подобные статьи основательны и корректны. А вот на книгу Кроука ссылок опять-таки нет, хотя, как и ранее (так и, надо сказать, позднее, в разделах, которые я не цитирую, жалея время читателя), упомянутое сходство продолжается.

Указанная методика — чередование обширных текстов, по своему содержанию соответствующих абзацам и страницам работы австралийского исследователя, с гораздо меньшими по объему личными наблюдениями и высказываниями авторов (со ссылками и на литературу и на источники) — пронизывает всю рецензируемую книгу.

Есть и исключения из правила жесткой зависимости авторского коллектива от текста Кроука. Например в том же «Введении» в разделе «Источники» приведена таблица ссылок на информационно-текстовые параллели между «Хрониконом» и знаменитым сочинением Орозия (с. 10), — таблица, идентичная своей родной сестре в работе Кроука (р. XXII–XXIII). Но у Кроука почти рядом имеется таблица параллелей между пассажами Марцеллина и сообщениями

Геннадия Массилийского, а в рецензируемой книге такой таблицы нет, хотя текстовая часть, посвященная Геннадию, — почти зеркальное отражение (только по-русски) соответствующего текста Кроука (с. 10).

Еще один пример. Когда у Кроука перечисляются реалии, которые Марцеллин заимствовал из так называемой «Константинопольской хроники», то исследователь, распределив эти реалии по группам, каждую группу оформил в виде ссылки на те пассажи «Хроникона», где реалии этой группы зафиксированы. У Кроука получилось 15 групп реалий, соответственно — 15 ссылок (р. XXIV, п. 11–25). Авторы рецензируемой книги, следуя текстуально (когда речь идет о «Константинопольской хронике») опять-таки за Кроуком, сделали только 7 ссылок (на 7 групп реалий) (с. 11, прим. 2–8).

Число примеров можно увеличить, особенно если обратиться к рассмотрению комментариев к пассажирам сочинения Марцеллина, но не эти исключения из правила составляют главную тенденцию структурирования книги и наполнения этой структуры содержанием, а все-таки почти полная зависимость от текста работы Кроука.

Комментарии составляют по объему большую часть книги (с. 127–215), но разбирать их так же, что разделы «Введения», я не буду, т. к. способ их составления тот же самый, что и метод написания упомянутых разделов. Следует, однако, оговориться, что в справке «От редактора», которая открывает книгу, написано: «В основу толкового комментария положена схема австралийского византолога Брайана Кроука, переработанная с учетом отечественной и новейшей зарубежной литературы» (с. 4). Следует уточнить — в основу комментария положена не только «схема», но и практически наполняющий эту схему текст, переведенный на русский язык.

Приведу лишь несколько примеров такого перевода, наглядно демонстрирующих, что стилистика английского языка, на котором писал комментарий Кроук, без редактирования (прежде всего, без учета синтаксиса) перенесенная в поле русской речи, дает неприятные на вкус плоды.

Почетные титулы автора, возможно, не были включены в первое издание хроники Марцеллина в 519 г., и были добавлены только в обновленном варианте в 534 г. как награда за придворную службу во времена императора Юстина (начало 520-х гг.), когда Марцеллин служил канцелярием патрикию Юстиниану (Cass., *Inst.* 1.17). Титул «комит» означает, что Марцеллин был причислен к одному из трех рангов знати — *vir clarissimus* (сиятельный муж). Это означало то, что это был человек сенаторского ранга, хотя обязательно, что он реально был членом константинопольского сената (с. 128–129).

Если сравнить эти стилистически и синтаксически очень неряшливые строки с текстом Кроука, то сразу видно, что переводчик стремился к дословному переводу (так учат на первых курсах университета):

The author's honorific titles were probably not included in the original edition of the chronicle in 519 but were only added to the up-dated edition in 534, having been asquired as a result of his service at the imperial court in the time of the emperor Justin (early 520s) when he acted as *cancellarius* to the patrician Justinian (Cass., *Inst.* 1.17). The title *comes*

(count) indicates that he was enrolled in one of the three orders of counts, while *vir clarissimus* (most distinguished man) indicates that he was a man of senatorial status at CP although not necessarily entitled to a seat in the Constantinopolitan senate» (p. 54).

Аналогичный пример стилистически и синтаксически неудобоваримого перевода:

Через своего полководца Сатурнина (PLRE 1: 807–808) Феодосий обсудил условия важного соглашения с готами, на основании которого они обосновались как федераты на римской территории на определенных условиях. Марцеллин здесь следует Орозию, 7.34.7, кроме даты 3 октября 382 г. (Cons. Const, s.a., 382 [IX 243]), которая больше подходит ко дню соглашения, которое было скреплено и оглашено в Константинополе (с. 131).

У Кроука:

Through his general Saturninus (PLRE 1: 807–808) Theodosius negotiated an important treaty with the Goths whereby they settled as *foederati* in Roman territory on certain conditions (Wolfram, 1988, 133–4; Heather, 1991, 157 ff. and Blockley, 1992, 40–1). M. is here copying Oros., 7.34.7 except for the date, 3 October 382 (Cons. Const, s.a., 382 [IX 243]), which most likely refers to the day the agreement was ratified and publicly proclaimed in CP (p. 58).

Здесь, кроме всего прочего, видно, что при переводе текста Кроука в неприкосновенности была оставлена форма ссылок на источники, благодаря чему они приобрели не принятый в российской академической науке вид. Можно также добавить (хотя это уже выходит за пределы формы и задач моей рецензии), что ради комментирования такого важнейшего явления в истории империи, как договор 382 г. с готами, можно было бы проигнорировать бледноватый пассаж Кроука, а обратиться к тексту опущенных при переводе имен — к блестящему толкованию этого соглашения Х. Вольфрамом и П. Хизером.

Дальнейшие примеры такого рода передачи текста Кроука можно приводить до финала комментариев, но воздержимся от этого, поскольку объем рецензии ограничен. Не удержусь лишь от замечания, касающегося одной из принципиальнейших сторон личности и творчества Марцеллина, а именно — его происхождения из Иллирика и его пристрастности к «иллирийским» сюжетам и реалиям «Хроникона»¹. В своих комментариях к таким пассажам Кроук данной тематики касается весьма неглубоко, полностью, однако, компенсируя это в другой своей книге о Марцеллине и его сочинении [Croke, p. 48–77]². Поскольку комментарии

¹ Имеются в виду рассказы о полководце-иллирийце Савиниане Магне (Chronicon, a.479, 481.2), о поражении от булгар магистра иллирийских войск Ариста (a.499.1), о возвращении Анастасием на епископские кафедры ранее репрессированных иллирийских епископов (a.516.3), о бедствиях, причиненных Иллирику полчищами «конных гетов» (a.517), о землетрясении, поразившем провинцию Дарданию, и особенно (в этой связи) о трагедии города Скупи (a.518.1) — и т.п. См. перечень такого рода реалий [Козлов, с. 55–57].

² Предположение Кроука о Скупи как родине Марцеллина не имеет под собой серьезной базы. Другое дело, что пассаж о землетрясении, фиксируя события 518 г., коррелирует со смертью императора Анастасия (а значит — началом «счастливой» эпохи таких императоров-иллирийцев, как Юстин I и Юстиниан I). «Иллирийские сюжеты» Марцеллина четко показывают, что во втором десятилетии VI в. благополучие Иллирика подвергается серьезным испытаниям, но воцарение Юстина I и обретение его племянником сана патрикия, возможно, предвещали в глазах хрониста новый расцвет его родины.

рецензируемой работы воспроизводятся, прежде всего, с комментариев книги 1995 г., то на наблюдения, содержащиеся в монографии 2001 г., применительно к упомянутым сюжетам никаких намеков нет. В то же время монография 2001 г. числится в списке использованной авторами литературы под номером 85 и даже отличается в этом списке тем, что в ссылке, помещенной внизу страницы, указаны названия ее разделов (с. 218, прим. 1).

Особенность рецензируемой работы заключается также в том, что она предлагает два варианта перевода сочинения Марцеллина. Один вариант выполнен Н. Н. Болговым, второй — Д. И. Суровенковым. Прием неплохой, ибо компетентный читатель может сравнить качество обоих переводов с приведенным в этом же издании оригиналом текста источника. Текст Марцеллина, кстати говоря, как и у Кроука, подан в форме, предложенной Т. Моммзенем.

Разговор о переводах «Хроникона» с того варианта позднеантичной латыни, на которой он написан, — особый, долгий и может быть предметом отдельной рецензии или даже статьи. Я остановлюсь только на одном сюжете, иллюстрирующем только один случай передачи на русский язык рассказа Марцеллина. Речь идет о закате карьеры и смерти Иоанна Хрисостома. В оригинале сообщение Марцеллина об этих событиях выглядит так:

Joannem Constantinopolitanae civitatis episcopum, cui supra dicti sex antistites incassum aemuli fuere, aliosque triginta sibimet episcopos conscivere, nolente Archadio principe, in Cucusum Armeniae oppidum exsulem miserunt, eumque post annum in villam quae Comana in regione Pontica dicitur, de exsilio in exsilium relegarunt. Hunc ibidem mortuum religiosa orthodoxorum plebs in atrio Basilisci episcopi sancti, idemque martyris, ab eodem martyre in somnis admonita, in novum moxque repertum sepulcrum recondidit (Marc. Comes, a.403.3).

Перевод приведенного рассказа Кроуком:

The six bishops mentioned above were unsuccessful rivals of John, the bishop of the city of Constantinople, and they were in league with another thirty bishops. Against the will of the emperor Arcadius, they sent him into exile to the town of Cuccusus in Armenia, and after a year relegated him from one exile to another, at a villa called Comana in the Pontic region. When he died there the religious people from among the orthodox buried him in the new and recently discovered tomb in the church of the bishop and martyr Basiliscus, after being directed in dreams by the martyr (p. 8–9).

Перевод Болгова:

Шесть епископов, упомянутых нами прежде, оказались неудачливыми соперниками Иоанна, патриарха Константинопольского. Они в союзе с другими тридцатью епископами против воли императора Аркадия сослали патриарха Иоанна в город Куккуз в Армении, а спустя год отправили его в другое место — поселение Комана в Понтийской области. Когда он умер, там же верующие православные похоронили его в гробнице в церкви епископа и мученика Василиска, но затем побуждаемые во сне этим мучеником, построили новую гробницу (с. 52).

Перевод Суровенкова:

Шесть выше названных епископов, которые [прежде] безуспешно были соперниками епископа города Константинополя Иоанна, приняв на свою сторону тридцать других епископов, вопреки воле принцепса Аркадия, отправили [Иоанна] в изгнание в крепость Куккус в Армении, а спустя один год они переправили его из одного места изгнания в другое, на виллу, которая называется Комана, в области Понт. И его, там умершего, благочестивая толпа православных сначала похоронила в атриуме Василиска, епископа и мученика, а потом, побуждаемая во сне этим же мучеником, в новой, вскоре построенной гробнице (с. 102).

Как мы видим, в данном случае перевод Болгова в ряде мест рассказа об Иоанне по смыслу отличается от перевода Суровенкова, но имеет сходство с переводом Кроука. Так, в оригинале Иоанн назван *Constantinopolitanae civitatis episcopus*. Суровенков переводит это именование как *епископ города Константинополя*, Болгов — как *патриарх Константинопольский*, Кроук — как *the bishop of the city of Constantinople*. Очевидно, что Кроук и Суровенков передают чин Иоанна практически адекватно тексту латинского оригинала. Другой пример. Аркадий именуется Марцеллином как *princeps*. Кроук и Болгов переводят этот термин как *the emperor* и *император*, Суровенков — как *принцепс*.

Сходен с этим характер перевода фразы о ссылке Иоанна «in Cucusum Armeniae oppidum»: Кроук и Болгов переводят эту фразу «to the town of Succusus in Armenia» и «в город Куккуз в Армении», а Суровенков, на мой взгляд, гораздо ближе к оригиналу — «в крепость Куккус в Армении». Как известно, разница в понятиях «город», «town» и «крепость» исторически весьма существенная. Также наблюдается сходство у Болгова и Кроука в передаче смысла термина «villa» (применительно к Комане), соответственно — «поселение» и «villa». Суровенков, затрудняясь в передаче смысла термина, предпочел его не переводить, оставив в значении оригинала — «вилла».

Таким же образом переводчики относятся к передаче именованию первого места захоронения Иоанна. Марцеллин пишет, что Иоанн первоначально был погребен «in atrio Basilisci episcopi sancti, idemque martyris». Суровенков предпочел оставить при переводе термин «атриум», обозначающий, как известно, передний зал храма. Кроук пишет, что первым местом погребения Иоанна стала «tomb in the church of the bishop and martyr Basiliscus». В переводе Болгова содержание то же, что и у Кроука, — Иоанн был погребен «в гробнице в церкви епископа и мученика Василиска». Думаю, перевод Суровенкова и в данном случае более точен, ближе к оригиналу.

В целом, полагаю, выход на русском языке книги о комите Марцеллине и его сочинении можно оценивать очень неоднозначно. С одной стороны, российский читатель получил возможность ознакомиться с переводом уникальной и объемной позднеантичной летописи, с многочисленными реалиями, касающимися ее информации и ее автора. С другой стороны, немаловажен вопрос об оригинальности и самостоятельности такого рода труда, выполненного в Белгородском университете.

Козлов А. С. Балканы в V — середине VI в. в изображении комита Марцеллина // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 55–57. [Kozlov A. S. Balkany v V — seredine VI v. v izobrazhenii komita Martsellina // Rossiya — Krym — Balkany: dialog kul'tur. Ekaterinburg, 2004. S. 55–57.]

Croke B. Count Marcellinus and His Chronicle. Oxford, 2001. 316 p.

Рецензия поступила в редакцию 27.07.2014 г.

УДК 821.111 + 929 Остин + 821.161.1

О. Г. Сидорова

ЖИЗНЬ КАК РОМАН — ИЛИ КАК ПЬЕСА?

Рец. на книги: Томалин К. Жизнь Джейн Остин : биография / пер. с англ. А. Дериглазовой. — М. : Колибри ; Азбука-Аттикус, 2013. — 448 с. ; Шайтанов И. О. Шекспир. — М. : Молодая гвардия, 2013. — 474 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1425).

Рассматриваются две биографии классиков английской литературы, которые вышли на русском языке в 2013 году. Биография Джейн Остин, написанная известным английским биографом Клэр Томалин, является первой биографией английской писательницы на русском языке. Новая биография У. Шекспира, написанная И. Шайтановым, представляет собой заметное явление в отечественном шекспироведении. Отмечено влияние, которое новые биографии классиков английской литературы призваны оказать как на широкую читательскую аудиторию, так и на отечественную англистику.

Ключевые слова: биография; английская литература; Джейн Остин; Шекспир; русскоязычные читатели.

Обосновывая проблему внешнего и внутреннего в биографии творческого человека, Г. О. Винокур еще в 1924 г. писал о человеческой личности не как о застывшей, определенной форме, но как о «модификации личности в ее развитии...», а развитие личности понимается автором как «не что иное, как синтаксически (вовсе не эволюционно!) развернутая личность». При огромном многообразии биографий писателей, заполняющих полки книжных магазинов, описывающих становление и модификацию их творчества на протяжении жизни, мы выделяем две биографии, вышедшие в 2013 г., — переводную и оригинальную, биографии классиков английской литературы, получивших всемирное признание, — Джейн Остин и Уильяма Шекспира.

Рецепция творческого наследия Джейн Остин в России складывалась драматично. Справедливости ради следует отметить, что даже на родине писательницы широкий интерес публики к ее произведениям возник далеко не сразу после их публикации, и в целом ее литературная репутация складывалась непросто — в общем, можно утверждать, что на своей родине Джейн Остин потребовалось